А.А. Сулейманов*

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭВЕНОВ ЯКУТИИ В 1960-е – 1980-е гг.

В статье представлена история осуществлявшегося в течение 1960-х – 1980-х гг. научного изучения эвенского населения, проживающего в Якутии. Автор выявляет и рассматривает основные реализованные научные инициативы, их персональный состав, методику проведения, географию и ключевые направления. В исследуемый период произошло сокращение масштабов этнографических изысканий, обусловленное в первую очередь нехваткой квалифицированных специалистов-тунгусоведов соответствующего профиля в Якутии. Вместе с тем, значительные успехи были достигнуты в области изучения диалектических особенностей эвенского языка, а также в аккумулировании фольклорного материала. Автор заключает, что именно с 1960-х гг. ведущую роль в научном изучении эвенского языка стали играть его носители.

Ключевые слова: Якутия, коренные народы, эвены, научное исследование, экспедиция, эвенский язык, диалект

Research study of the Evens of Yakutia in the 1960s – 1980s. ALEXANDER A. SULEYMANOV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article presents the history of research focused on the Evens of Yakutia during the 1960s – 1980s. The author identifies and considers the main research projects carried out during this period, their members, methodology, territorial scope, and key areas of interest. At that time we observe the reduction in the scale of ethnographic research, primarily due to the lack of specialists in the field of Tungus studies in Yakutia. At the same time, considerable success was achieved in the study of the dialects of the Even language, as well as collecting folklore materials. In addition, it is from the 1960s that the native speakers began to play a leading role in the research study of the Even language.

Keywords: Yakutia, indigenous minorities, Evens, research, expedition, Even language, dialect

Республика Саха (Якутия) является основной территорией проживания для представителей нескольких коренных малочисленных народов Севера, включая эвенов. Так, по данным переписи населения 2010 г., в Российской Федерации было зафиксировано 21 830 эвенов, из которых около 15 тыс. приходилось на Якутию.

В поле зрения исследователей эвены, носители уникальных северных хозяйственных практик и самобытной культуры, находятся уже три века: Д.Г. Мессершмидт в ходе своих изысканий в 1719 г. записал несколько десятков эвенкийских (тунгусских) и эвенских (ламутских) слов. Более информативный лингвистический, а также пионерный этнографический

* СУЛЕЙМАНОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

© Сулейманов А.А., 2020

материал в конце XVIII в. собрали в низовьях Колымы участники Северо-восточной экспедиции 1785–1793 гг. В частности, М.М. Робек зафиксировал около 200 слов от колымских эвенов [8, с. 3–4]. Эта исследовательская работа получила продолжение в рамках Колымской экспедиции 1820–1824 гг., когда Ф.П. Врангель и Ф.Ф. Матюшкин оставили записи, характеризующие быт, нравы и обычаи эвенов. Существенный интерес представляют исследования, проведенные в рамках Чукотской экспедиции 1869–1870 гг. колымским исправником Г.Л. Майделем, составившим подробное этнографическое описание представителей этноса [12, с. 37–106]. Лингвистический же материал, полученный чиновником, обработал академик А.А. Шифнер. Именно его перу принадлежат первые обобщенные сведения по грамматике и фонетике эвенского языка [2, с. 363–370].

Важнейшее значение в истории научного изучения эвенов Якутии имеют изыскания В.Г. Богораза – участника Сибиряковской экспедиции 1895–1897 гг. Исследователь осуществил всесторонний анализ языка, общественного строя, хозяйственной деятельности и культуры эвенов, населявших правые притоки Колымы [7, с. 8–9]. Часть из полученных материалов при этом была введена в научный оборот в 1920-е – 1930-е гг., когда в нашей стране началось систематическое изучение говоров и диалектов эвенского языка [1]. Данный факт прежде всего обуславливался происходившей в этот период в СССР культурной революцией, которая, как известно, предполагала в том числе всеобщую ликвидацию безграмотности и создание письменности для не имевших ее народов. В рамках этой работы в частности в 1933–1934 гг. первые материалы по языку эвенского населения Саккырырского, Булунского и Усть-Янского районов Якутии собрала Л.Д. Ришес (Институт народов Севера, г. Ленинград) (Рукописный фонд Научного архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, далее – РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 28. Л. 1–24).

Однако начало действительно систематического научного изучения эвенов Якутии относится уже к 1950-м гг. Как представляется, хронологический промежуток с начала 1950-х гг. и до 1991 г., когда отечественная наука оказалась в принципиально иных условиях, следует рассматривать в качестве единого особого периода в деле научного познания эвенского населения республики. Однако если по дореволюционно-

му этапу, а также началу советского имеется определенный массив работ, в которых представлена история реализации научных инициатив в местах проживания эвенов [2; 4; 12 и др.], то обозначенный выше период в этом отношении изучен крайне мало. Лишь по исследованиям, проведенным в 1950-х гг., автором представленной работы была подготовлена научная статья [9]. Таким образом, 1960-е – 1980-е гг. остаются фактически «белым пятном» на историографической карте.

Следует отметить, что к началу рассматриваемого периода представители эвенов, несмотря на малочисленность (3537 эвенов по переписи 1959 г.), проживали в Оймяконском, Момском, Абыйском, Аллаиховском, Томпонском, Усть-Янском, Саккырырском, Булунском, Верхне-, Средне – и Нижнеколымском районах республики [11, с. 50]. Такая дисперсность, имевшая достаточно глубокие исторические корни, естественно, привела к формированию существенных особенностей каждой из территориальных групп эвенов, в первую очередь – диалектических, и требовала проведения соответствующих по охвату изысканий.

Начало систематического научного изучения эвенов Якутии в 1950-е гг. помимо выдающихся усилий отдельных ученых было обусловлено рядом объективных факторов. Во-первых, значительно повысилась транспортная доступность северных территорий Якутии: здесь появляется сеть аэродромов, возникает регулярное воздушное сообщение с административным центром – г. Якутском. Во-вторых, в результате политики коллективизации и поселкования фактически «распыленные» ранее по обширным тундровым пространствами эвены сосредоточиваются в относительно крупных населенных пунктах. Наконец, в-третьих, в республике появляется собственная академическая наука: здесь создается первоначально база (1947 г.), а затем – филиал Академии наук СССР (1949 г.). При Якутском филиале (ЯФ) АН СССР разворачивает свою деятельность Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), сотрудником которого в частности стала Л.Д. Ришес.

В течение 1955–1957 гг. Л.Д. Ришес посетила Момский, Томпонский, Верхне – и Среднеколымский районы Якутии. Помощником ученой в этих экспедициях являлся студент Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (ЛГПИ) эвен В.Д. Лебедев. Во время изысканий, проводившихся

на основе программы, составленной ученицей В.Д. Богораза, крупнейшим советским специалистом по тунгусо-маньчжурским языкам В.И. Цинциус (ЛГПИ), исследователи осуществили сбор сведений для подготовки рабочего варианта словаря эвенского языка, аккумуляровали материалы по грамматике и фонетике. Это, в частности, позволило Л.Д. Ришес составить описание исследованных говоров и провести их сравнительный анализ с литературным эвенским языком, опорным для которого послужил ольский говор эвенов Хабаровского края (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 496. Л. 1–44; Оп. 13. Д. 257. Л. 1–26; Оп. 14. Д. 30. Л. 1–66; Д. 39. Л. 1–73).

В 1950-е гг. получили развитие и исследования в области этнографии эвенов Якутии. Связаны они были прежде всего с именем выдающего североведа И.С. Гурвича, также являвшегося в те годы сотрудником ИЯЛИ ЯФ АН СССР и осуществившего в течение 1951–1954 гг. сплошное социоэтнографическое обследование арктических районов Якутии. В ходе проведенных исследований И.С. Гурвич посетил в том числе все колымские, Аллаиховский, Момский, Абыйский, Саккырырский, Усть-Янский и Булунский районы. Здесь ученый установил примерное количество проживающих эвенов, определил ареал их расселения, получил материалы, характеризующие историю хозяйственной деятельности, выявил основные протекающие этнические процессы (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 231. Л. 3–46; Д. 247. Л. 1–15; Д. 258. Л. 122–150).

В 1959 г. И.С. Гурвич, который к тому времени перешел на работу в московский Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, продолжил свою деятельность по сбору полевого этнографического материала об эвенах Якутии в рамках Юкагирской комплексной экспедиции, проводившейся в Аллаиховском, Нижне – и Верхнеколымском районах Якутии. Несмотря на то, что основным объектом изысканий тогда являлись юкагиры, в фокусе внимания ученого также оказались и «соседи» этого древнего этноса. В частности, были получены сведения об устройстве жилищ, охотничьих и погребальных обрядах эвенов, а также их современном социально-экономическом положении (Архив Российской академии наук, далее – АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 5–25). Кроме того, участница руководимого И.С. Гурвичем этнографического отряда М.Я. Жорниц-

кая осуществила наблюдение за исполнением традиционных танцев и играми эвенов (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 73–89).

Юкагирская комплексная экспедиция, как и изыскания И.С. Гурвича 1951–1954 гг., внесла значительный вклад в развитие этнографии коренных народов Якутии. По масштабам проделанной работы они занимают действительно выдающееся место в истории научного изучения аборигенных этносов российской Арктики. Вместе с тем следует отметить, что эвены не являлись объектом специальных изысканий И.С. Гурвича и его коллег-этнографов. Остается только догадываться, насколько ценными могли быть исследования планировавшейся Эвенской комплексной экспедиции, аналогичной Юкагирской, в ходе которой ученые смогли бы задокументировать целый пласт фактически исчезавших на их глазах особенностей хозяйственной деятельности и культуры эвенов (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 36–37). Однако идея ее проведения так и осталась нереализованной.

Вместе с тем в начале рассматриваемого нами периода удалось продолжить исследования традиционных эвенских танцев и игр. В период с 8 октября по 30 ноября 1960 г. в Момском и Томпонском районах Якутии с этой целью проводил исследования этнографический отряд ИЯЛИ ЯФ СО¹ АН СССР. В изысканиях принимали участие М.Я. Жорницкая (руководитель), а также работавшие по договору лаборанты эвены И.Е. Тарабукин (11–24 октября), П.Х. Стручков (27 октября – 1 ноября) и Т.К. Неустроева (3–13 ноября).

В колхозах «Коммунизм» (Улахан-Чистайский), «Сайды» (Чыбагалахский наслег), «Правда» (участок Суон тит) Момского района, «Победа» и им. Жданова Томпонского района исследователи опросили свыше 130 информантов. В единый вопросник входили пункты о содержании, смысле того или иного танца, значении танцевальных или игровых терминов, об особенностях организации (участники, место и традиции исполнения) народной игры или пляски. Также информантам задавались вопросы, касающиеся традиционных свадебных обрядов и шаманских культов.

Основной формой проведения исследования было визуальное наблюдение за исполнением этнического танца или игры и их фиксация на

¹ Институт к этому времени вошел в состав созданного Сибирского отделения Академии наук.

кино – и фото пленку. Кроме того, на магнитофонную ленту записывались запевы к эвенским танцам, традиционные мелодии и песенные импровизации.

На основе собранного материала М.Я. Жорницкой были выявлены и описаны варианты исполнения традиционного эвенского хорова, отдельные элементы старинных танцев «Кинди» и «Эһыкаай», свыше 20 эвенских игр; зафиксирована игровая и танцевальная терминология; определены основные различия в исполнении народных танцев шестью локальными группами эвенков (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 369. Л. 1–58).

Эти исследования, однако, не получили продолжения: вскоре М.Я. Жорницкая вслед за И.С. Гурвичем перешла на работу в Институт этнографии. Отъезд этих двух ученых из Якутии нанес серьезный удар по развитию этнографических исследований в регионе – специалистов такого уровня в республике не осталось.

В результате, забегая вперед, следует отметить, что фактически специализированные этнографические исследования среди эвенков в течение рассматриваемого периода проводил лишь В.А. Туголуков (Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР). В 1970 и 1971 гг. этот ученый осуществил исследования в Нижнеколымском, Оленекском, Жиганском и Булуновском районах Якутии, где занимался изучением истории местных хозяйств, этнического и родового состава, этнических процессов, происходивших среди юкагиров, эвенков и эвенков (Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, далее – НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 82. Л. 108–115; Д. 86. Л. 163–185).

Покинула Якутию и Л.Д. Ришес, однако, к счастью, изыскания в области эвенского языка получили достаточно успешное продолжение. Их локомотивом в 1960-е гг. являлся упоминавшийся ранее В.Д. Лебедев, поступивший на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Выпускник ЛГПИ и ученик В.И. Цинциус станет продолжателем дел своей учительницы и через нее – В.Г. Богораза, а также будет одним из зачинателей практики, в соответствии с которой в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (преемник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) изучением различных вопросов развития и функционирования языков коренных народов занимаются их носители.

В 1961 г. В.Д. Лебедев собирал полевой материал в Янском районе². Первоначально ученый работал в с. Сайылык Селеняхского наслега – одном из двух (наряду с селом Уяндя) мест компактного проживания эвенков в районе. Первый этап исследований здесь проводился со 2 по 14 марта. За это время путем опроса 37 человек был определен родовой состав наслега, получен пилотный диалектологический материал. Второй этап продолжался с 14 апреля по 7 мая. В.Д. Лебедев заполнил 5 экземпляров специального вопросника (объем каждого по 73 страницы), записал образцы речи 21 респондента на магнитофонную ленту. С 11 по 16 мая исследователь работал в селе Уяндя. Здесь было заполнено еще 3 экземпляра вопросника, произведена магнитофонная запись речи 28 носителей эвенского языка. Из Уянди В.Д. Лебедев отправился в поездку по оленеводческим стадам. У оленеводов удалось заполнить еще 10 вопросников, зафиксировать на аудионоситель речь 15 человек, а также собрать фольклорный материал. В июле исследователь посетил с. Казачье. Однако, по собственному признанию, он «съездил сюда зря»: и без того малочисленное эвенское население полностью «объякутилось» и не могло дать сколь-либо ценный диалектологический или фольклорный материал (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 74. Л. 1–20).

Всего в ходе исследований В.Д. Лебедев собрал около 2000 страниц лингвистического и фольклорного материала (сказки, рассказы, предания), записал 12 магнитофонных катушек с образцами эвенской речи. Анализ полученного материала позволил ученому установить фонетические, лексические и грамматические отличия местного говора от литературного эвенского языка. Кроме того, проведенные исследования показали относительно неплохую сохранность традиционного фольклора («по крайней мере, лучше, чем в Томпонском, Аллаховском и Момском районах»). Однако молодежь его уже практически не знала (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 74. Л. 20–24).

С 17 февраля по 12 марта 1963 г. В.Д. Лебедев совместно с учителем Себян-Кюельской восьмилетней школы, поэтом П.А. Ламутским-Степановым проводил первые в истории исследования эвенского языка в Абыйском рай-

² Создан в 1958 г. путем объединения Верхоянского, Саккырыского и Усть-Янского районов. Про существовал до 1967 г.

оне. Изысканиями были охвачены населенные пункты Дружина, Кебергены и Били. Интересующие участников экспедиции материалы собирались с помощью доработанной «Программы диалектологических исследований по эвенскому языку», составленной В.И. Цинциус и использовавшейся в ходе предыдущих изысканий (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 116. Л. 35–36, 82).

Как отметили исследователи, эвены Абыя являлись переселенцами из Момского района. В частности, по сведениям информатора С. Никулина (39 лет), когда он был ребенком, его семья перекочевала из Догдо-Чыбагалахского наслега вследствие резкого сокращения численности диких оленей. При этом названия большинства бывших эвенских родов Момы встречались и в Абыйском районе. Такое относительно недавнее переселение, естественно, обусловило практические полную идентичность языка его эвенского населения с говором эвенов Догдо-Чыбагалахского наслега Момского района (бывшие представители Эселяхского и Улахан-Чистайского наслегов в Абыйском районе, как было установлено исследователями, «составляли незначительное количество»), зафиксированным в В.Д. Лебедевым под руководством Л.Д. Ришес в 1955 г. (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 116. Л. 39–80).

Наряду с научным изучением эвенского языка участники экспедиции собрали фольклорный материал, составили краткое описание хозяйственной деятельности и социолингвистической ситуации.

Эвенское население Абыйского района было двуязычным – наряду с родным языком широкое распространение получил якутский. Именно на последнем велось делопроизводство, проводились общественные собрания. Эвенский язык являлся преимущественно средством межличностного общения. При этом, как установили участники экспедиции, наилучшую сохранность он имел среди представителей старшего поколения, понимавших в том числе все слова из традиционного песенного творчества, дети же школьного возраста уже плохо владели родным языком, а многие выражения из фольклора были неизвестны практически всей молодежи. Еще одним показательным явлением, характеризующим лингвистическую ситуацию в Абыйском районе, являлся отмеченный исследователями факт «совершенного незнания» эвенского языка детьми, рожденными в этниче-

ски смешанных семьях (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 116. Л. 37–38).

В марте – мае следующего 1964 г. В.Д. Лебедев продолжил исследования говоров эвенского языка в Тугяси́рском наслеге Саккыры́рского района, а также в населенных пунктах Березовка (Среднеколымский район), Андры́шкино и Колымское (Нижнеколымский район). Ученый собрал материалы, характеризующие фонетический и морфологический строй местных диалектов, а также их лексический состав (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 139. Л. 1–154).

В 1970 г. В.Д. Лебедев защитил кандидатскую диссертацию «Догдо-Чебогалахский говор эвенов Момского района Якутской АССР» и на ее основе подготовил монографию «Язык эвенов Якутии», которая увидела свет спустя 8 лет [5]. Значительное внимание ученый также уделял работе над усовершенствованием орфографии эвенского языка. В частности, совместно с К.А. Новиковой В.Д. Лебедев подготовил «Правила орфографии эвенского языка» [6]. Полевая же работа по изучению эвенского языка в 1970-е – 1980-е гг. была продолжена уже другими исследователями.

Так, 18–29 декабря 1974 г. в селах Берелях, Оленегорск и Ойотунг Аллаиховского района проводили изыскания участники фольклорно-диалектологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В состав экспедиции входили сотрудники института П.Е. Ефремов (руководитель), З.З. Винокурова и Х.И. Дуткин, а также нанятый в качестве препаратора К.С. Попов. П.Е. Ефремов, З.З. Винокурова и К.С. Попов произвели опрос информантов и запись полученного фольклорного материала (якутские и эвенские сказки, мелодии и песни) на бумажные носители и магнитофонную ленту. Х.И. Дуткин собрал среди населения Ойотунга сведения для разработки темы «Оленеводческая терминология аллаиховских эвенов» (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 50. Л. 1–31).

В ноябре–декабре 1975 г. Х.И. Дуткин продолжил в Ойотунге сбор материалов по терминологии эвенов. Исследователь, в частности, зафиксировал традиционные для местного населения обозначения месяцев, различных степеней родственных связей, явлений природы, названия птиц, рыб, животных, растений, предметов быта, топонимы, личные имена. Значительная часть полученных данных вновь была посвящена тем или иным сторонам деятельности оленеводов (термины, относящиеся к дей-

ствию оленей, их характеру, клички животных, названия используемых в хозяйстве предметов и т.п.). Кроме того, Х.И. Дуткин установил наиболее характерные лексические расхождения местного диалекта эвенского языка с литературными нормами (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 116. Л. 1–96).

В 1980 г. на основе полученных в ходе рассмотренных экспедиций материалов, а также результатов полевых исследований в Аллаиховском районе в 1976 и 1979 гг. Х.И. Дуткин подготовил научный отчет «Аллаиховский говор эвенского языка (язык эвенов рода Дутки)».

В отчете по результатам опроса 52 информантов, проводившегося на основе социолингвистической программы В.И. Цинциус (рассматриваемые исследования, таким образом, продолжали научную традицию, заложенную в 1950-е гг.), Х.И. Дуткин составил описание говора эвенов Аллаихи. Исследователь установил общие и особенные черты, характерные для него в сравнении с литературным эвенским языком. По данным автора, их сближали в частности «невысокая степень» заимствований из языков других народов, включая юкагирский, чукотский и русский, наличие «общетунгусских и тунгусо-манчжурских языковых параллелей», общность большей части лексического состава.

Вместе с тем именно в области лексики, а также фонетики Х.И. Дуткин установил имеющиеся «значительные расхождения». Например, в местном наречии были крайне слабо представлены термины, связанные с рыболовством. По мнению автора, данный факт свидетельствовал о том, что раньше этим видом деятельности «эвены Аллаиховского района не занимались», либо «занимались попутно». Подтверждением этому также являлось заимствование от якутов способов и орудий промысла, их терминологии. Подобные историко-этнографические экскурсы занимали значительное место в работе Х.И. Дуткина. Так, исследователь рассмотрел историю формирования эвенской этнической общности в районе, традиции межэтнических коммуникаций (эвены, русские старожилы, чукчи, юкагиры и якуты), привел этимологию самоназваний местных родов, проанализировал ряд топонимических терминов Аллаихи с целью выяснения примерного времени появления того или иного этноса на ее территории (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 141. Л. 1–288).

В 1988 г. Х.И. Дуткин подготовил описание еще одного говора эвенского языка – Усть-Янского. В научном отчете по результатам полевых исследований автора 1976, 1979, 1987 и 1988 гг. в с. Сайылык Усть-Янского района были подробно рассмотрены фонетические характеристики гласных и согласных фонем, закономерности сочетания звуков речи, лексический состав языка эвенов, проживающих в данном селе. Х.И. Дуткин установил близость местного говора с языком аллаиховских эвенов. Данный факт, по его мнению, был обусловлен в первую очередь тесными контактами усть-янцев и аллаиховцев с якутоязычным населением. В работе, кроме того, были представлены записанные автором 11 фольклорных текстов (сказка, легенда, предание, рассказы, поверья, заповедь к танцу) на усть-янском говоре эвенского языка с переводом на русский и краткий эвено-русский словарь, отражающий «наиболее специфичную лексику» (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 169. Л. 1–203).

Параллельно работу по научному изучению эвенского языка в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР вел В.А. Роббек. Этот ученый также занимался исследованием родного для себя языка. Одновременно с Х.И. Дуткиным (1966 г.) В.А. Роббек закончил ЛГПУ – советскую кузницу специалистов-североведов. В 1974 г. исследователь защитил кандидатскую диссертацию «Виды глагола в эвенском языке» и в том же году были приняты на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР [10, с. 20].

В 1980 г. на основе диссертации, а также полевых материалов, которые В.А. Роббек начиная с 1974 г. ежегодно собирал в с. Березовка Среднеколымского района Якутии, был подготовлен отчет «Залоги глагола в эвенском языке» (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 144. Л. 1–358). Аккумулированы же результаты полевых исследований в этом населенном пункте, продолжавшиеся с такой же регулярностью вплоть до 1984 г., были в отчете «Язык эвенов Березовки», работу над которым В.А. Роббек закончил в 1985 г. В отчете В.А. Роббек представил пионерный анализ фонетической и морфологической структуры, синтаксического порядка и лексического состава местной эвенской речи, выявил характерные для нее важнейшие отличительные черты. Эти черты, по мнению ученого, были обусловлены прежде всего длительностью фактически изолированного положения населения Березовки, язык которого

вплоть до «сравнительно недавнего времени» не подвергался влиянию русской, якутской, чукотской и юкагирской речи. В результате «не было ни единого раздела фонетики, морфологии», где бы березовский говор «не имел свои отличительные особенности», являвшиеся нехарактерными для других уже описанных говоров эвенского языка (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 144. Л. 1–250).

К отчету также прилагались краткий эвено-русский словарь и оригинальная мифологическая сказка «Нелтэк», ранее не зафиксированная в эвенском фольклоре. Опубликованы названные материалы были в 1989 г. в монографии «Язык эвенов Березовки» [12].

Следует отметить, что население Березовки, состоявшее более чем на 80% из эвенов, представляло собой достаточно интересный объект исследований. Вследствие труднодоступности и отдаленности их территории от основных коммуникаций, а также, возможно, сознательного «избегания», будущие березовцы долгое время были фактически изолированы от внешнего мира – контакты с представителями других этносов сводились к минимуму. Эти люди, сохраняя патриархально-родовые отношения, вплоть до 1950-х гг. вели постоянную кочевую жизнь, занимаясь домашним оленеводством и охотничьим промыслом на приграничной территории Магаданской области и Якутской АССР. Лишь в 1954 г. был создан Березовский наслег и открыта школа, а с 1961 г. единоличные хозяйства эвенов, минуя систему колхозов, вошли в состав совхоза им. 50 лет СССР.

Видимо, во многом благодаря такой уникальности население Березовки в рассматриваемый период стало объектом комплексных социогуманитарных исследований в рамках разработки темы «Социально-экономические проблемы завершения перевода кочевых эвенов Березовского сельского совета Среднеколымского района Якутской АССР на оседлый образ жизни». Работа над отчетом по этой теме была завершена в 1980 г. Руководство ею осуществлял сотрудник отдела экономики Якутского филиала СО АН СССР Ф.С. Донской. Наряду с ним в подготовке отчета принимали участие специалисты Якутского НИИ туберкулеза, ИЯЛИ и отдела экономики ЯФ СО АН СССР: Н.В. Васильев, И.И. Винокуров, У.А. Винокурова, И.И. Петров, М.А. Тарылгин, а также Х.И. Дуткин и В.А. Роббек.

Необходимые полевые исследования проводились в Березовке в сентябре – октябре 1977 г.,

в июле – августе 1979 гг., а также в июле 1980 г. (Научный архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, далее – НА ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 5; РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 1. Л. 8; Д. 7. Л. 76). В них участвовали авторы отчета, врачи Якутской республиканской и Среднеколымской районной больниц С.М. Колесова, О.М. Колесова, В.И. Кузьмин, Ю.Е. Пахомов и В.А. Третьякова, сотрудники отдела культуры Среднеколымского райисполкома А.Н. Бережнова и И.Г. Шадрин, управляющий Березовским отделением совхоза им. 50 лет СССР Д.А. Роббек, представители сельских органов власти Н.С. Березкин и Е.П. Сибиряков. Указанные специалисты изучили санитарно-гигиенические условия жизни населения Березовки, состояние медицинского, бытового, культурного и торгового обслуживания, экономическое положение в ведущих отраслях хозяйства, вопросы материальной обеспеченности семей, трудовой занятости, квалификации работников. Анкетирование, охватившее 45 человек в 1977 г. и 52 – в 1979 г., позволило определить некоторые мотивационные установки, характерные для жителей села (НА ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 6–50).

Следует отметить, что во многом в связи с отмеченными ранее особенностями формирования с. Березовка, на момент проведения исследований 53% его населения продолжали вести кочевой образ жизни. В плохом состоянии находилась транспортная система. Не было регулярных наземных путей сообщения с районным центром – Среднеколымском, отсутствовала авиапосадочная площадка. Единственным средством связи зачастую оказывалось дорогое и сильно зависящее от метеоусловий вертолетное сообщение. Помимо этого, как выяснили исследователи, в течение 10 лет в Березовке фактически было заморожено жилищное строительство. Существовавшая же система оплаты труда «не обеспечивала компенсации трудовых и материальных затрат» и «не создавала стимула для привлечения и закрепления кадров». Зачастую оленеводам приходилось «расплачиваться» за форс-мажорные обстоятельства, вызванные, как правило, различными природно-климатическими факторами и сказывавшиеся на производственных показателях (НА ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 21–36).

Печальную картину, увиденную специалистами в Березовке, дополняло состояние медицинского обслуживания. Имеющийся

фельдшерско-акушерский пункт размещался в антисанитарных условиях, был недостаточно оснащен инвентарем, а его сотрудники не проводили необходимых санитарно-профилактических мероприятий. В течение двух лет сотрудниками районной больницы ни разу не производился облет оленеводческих бригад. В 1979 г. из-за несвоевременного выполнения санрейсов умерло двое детей. Санитарно-эпидемиологическую ситуацию усугубляла скученность семей в Березовке, кочевание почти половины детей с родителями и низкая гигиеническая культура. В результате здоровыми можно было считать только 20% детей. Еще хуже была ситуация с более старшим поколением – 1/4 взрослого населения страдала хроническим алкоголизмом (НА ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 37–42).

Для исправления сложившейся ситуации исследователи предложили комплекс мер. Прежде всего, по их мнению, следовало перевести население Березовки на оседлый образ жизни. В частности, исследователи выступили за скорейшее внедрение сменно-звеньевых методов выпаса оленей, апробированного в Ямало-Ненецком округе, что позволило бы оленеводам более 5 месяцев в году жить со своими семьями в Березовке, а также полувольного изгородного метода содержания животных. Кроме того, была отмечена необходимость создания промежуточных баз для пастухов. Предлагалось развивать и подсобные отрасли хозяйства: производство меховых изделий, а также молочное животноводство (НА ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 11–53).

Важным шагом на пути повышения качества жизни населения Березовки исследователи называли улучшение культурно-бытовых условий. В связи с этим были произведены расчеты, касающиеся строительства необходимых благоустроенных жилых домов, производственных и социальных объектов. Однако при этом требовалось перенести село на правый берег Колымы. Здесь, по мнению авторов отчета, было проще организовать доставку строительных материалов и в целом снабжение села, обеспечивать связь с основными пастбищными угодьями и дополнительную занятость населения (в основном за счет рыболовства) (НА ЯНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418. Л. 22–53). Следует отметить, что вопрос о переносе Березовки по-прежнему стоит на повестке дня. Примечательно также, что до сих пор в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии исследований тако-

го широкого профиля, как в Березовке в период 1977–1980 гг., не проводилось.

Выше отмечался вклад отдельных исследователей в аккумуляцию фольклора эвенов. Однако наиболее серьезное значение в этом отношении имели изыскания участников крупнейшей IV-й комплексной фольклорной экспедиции Сибирского отделения АН СССР, проводившейся в северных районах Якутии в марте – апреле 1987 г.

Организаторами инициативы, целью которой был сбор материала для юкагирского, эвенского и якутского томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», являлись Институт истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР (г. Новосибирск) и ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 257. Л. 1).

В состав IV-й комплексной экспедиции входили: А.Б. Соктоев (научный руководитель), А.Е. Аникин, В.Н. Швецов (ИИФФ СО АН СССР), Г.Н. Курилов (научный руководитель отряда ИЯЛИ), В.В. Илларионов, Ж.К. Лебедева, Л.Д. Нестерова, С.П. Ойунская, Р.С. Гаврильева, Л.Н. Демина, П.Н. Дмитриев, Х.И. Дуткин, А.Ф. Маликова (ИЯЛИ СО АН СССР), Л.Н. Жукова (историко-филологический факультет Якутского госуниверситета), В.И. Шейкин, Т. Игнатьева, В. Никифорова, А.А. Томский (Новосибирская консерватория им. М.И. Глинки), а также звукорежиссер Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия» (г. Киев) М.Л. Дидык и фотокорреспондент газеты «Наука в Сибири» (г. Новосибирск) В.Т. Новиков (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 257. Л. 1–8).

Программа работ предусматривала сбор образцов устного народного творчества и их фиксацию на бумажные носители, производство высококачественных фонозаписей для музыкальных приложений к томам названной ранее серии, а также ее обеспечение фотоиллюстративным материалом (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 257. Л. 4–8).

В течение 17–25 марта участники экспедиции работали в Томпонском и Оймяконском районах, где ими было зафиксировано 119 образцов фольклора эвенов. С 23 по 27 марта исследования проводились в п. Улахан-Чистай (Сасыр) Момского района. Здесь от 6 исполнителей было записано 19 фонографических единиц (7 сказок, 3 песни, 5 легенд и преданий, скороговорка и 3 образца интонирования эвенского хороводного танца «Хэдьэ»). В период с

29 марта по 11 апреля изыскания осуществлялись в н.п. Быйагныр (Быягныр), Оленегорск и Чокурдах Аллаиховского района: здесь ученым удалось получить 21 образец эвенского фольклора (сказки, рассказы, песни, 6 примеров интонирования танца «Хэдьэ» и сигнального интонирования и др.). Со 2 по 5 апреля от 6 жителей с. Березовка Среднеколымского района было записано 35 фонографических единиц исполнения эвенских песен, легенд, преданий, интонирований, сказок и рассказов. В эти же сроки проводились работы в селах Андрушкино и Колымское Нижнеколымского района. Здесь членам экспедиции удалось сделать записи 48 образцов фольклора эвенов (44 песенные импровизации и 4 примера пения в круговом танце) (РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Д. 257. Л. 11–26). При этом исследователи отметили достаточно любопытную ситуацию, сложившуюся в районе. Распространение в низовьях Колымы в результате длительного совместного проживания представителей нескольких аборигенных этнических сообществ явления полилингвизма – владения тремя и более языками (русский, якутский, эвенский, юкагирский, чукотский) – отмечал еще в 1950-е гг. И.С. Гурвич. Развитие данного явления и в целом происходившие этнические процессы привели к тому, что юкагиры знали не только юкагирский, но также эвенский и чукотский фольклор, а эвены – юкагирский и чукотский. В частности, юкагирский фольклор для участников экспедиции исполнили, наряду с 12 юкагирами, 4 эвена.

Конец 1980-х гг. в истории нашей страны, как известно, был ознаменован значительными изменениями в общественно-политической жизни. Наряду с либерализацией и гласностью важнейшее место в этих трансформациях занимал и национальный вопрос. Неудивительно, что сочетание названных факторов привело к активизации различных этнических движений коренных малочисленных народов Севера, широкому обсуждению в обществе последствий проводившейся в годы советской власти политики для их традиционного хозяйства и культуры, а также пересмотру устоявшихся идеологических клише, в том числе по инициативе самих властей. Не осталась в стороне от происходивших в Советском Союзе процессов и Якутия [3, с. 154–158].

Так, в феврале 1989 г. по поручению Совета Министров Якутской АССР на территории бывшего Саккырырского района под руководством сотрудника созданного на основе отдела эконо-

мики Института экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера (ИЭКОПР) ЯФ СО АН СССР Ф.С. Донского было проведено экономико-социологическое исследование, схожее по своему характеру с рассмотренными ранее изысканиями в Березовке, хотя и не включавшее работу медиков, а также специалистов культуры. В исследованиях наряду с руководителем принимали участие И.А. Емельянов, Т.Р. Копырина, М.В. Степанова, Н.Н. Терентьева (ИЭКОПР СО АН СССР) и П.М. Старостин (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 1–2).

Саккырырский район просуществовал на карте Якутии до 1958 г. После разукрупнения в 1963 г. Янского района его бывшая территория была передана соседним Верхоянскому и Кобяйскому районам. При этом на момент начала реорганизации население района составляли преимущественно представители коренных малочисленных народов Севера и в первую очередь эвены [11, с. 62]. В конце 1980-х гг. вопрос восстановления Саккырырского района занял существенное место в общественно-политической повестке дня республики.

В рамках полевых исследований на территории пяти сельских советов, включая оленеводческие бригады и станы охотников, ученые провели анкетный опрос по выявлению отношения населения к восстановлению Саккырырского района, охвативший 599 человек. Еще один анкетный опрос, в котором приняло участие 353 респондента, был посвящен вопросам развития эвенского языка. Одновременно исследователи собирали статистические данные, материалы, касающиеся деятельности административных, социальных, культурно-образовательных и хозяйствующих учреждений (ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 2–3).

Итоги изысканий были подведены в научном докладе «К вопросу восстановления Саккырырского района Якутской АССР». В нем исследователи достаточно подробно проанализировали демографическую ситуацию, экономическое положение, обеспеченность населения жилой площадью и состояние жилищного строительства, организацию медицинского, культурно-образовательного, торгового и бытового обслуживания населения, развитие транспортной системы, а также вопросы сохранности языка и этнической культуры. Все названные направления проведенных изысканий свидетельствовали, по мнению ученых, о серьезных проблемах

в жизнедеятельности бывших саккырырцев. Так, по сравнению, с концом 1950-х гг. произошло сокращение доли коренных малочисленных народов Севера в общей численности населения территории бывшего района – с 51% до 38,5% (ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 7–11).

Укрупнение колхозов, сопровождавшееся «ничем не оправданной концентрацией населения в крупных поселках», привело, по мнению исследователей, к нарушению веками сложившегося уклада жизни аборигенного населения Саккырыра: были ликвидированы «бесперспективные» мелкие поселки, что оторвало часть людей от исконных занятий и вынудило их «пополнить ряды низкооплачиваемых подсобных работников» (ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 3); концентрация населения усугубила «жилищный вопрос» – темпы ввода в строй новых объектов были явно недостаточны; маршруты оленьих кочевий оказались удалены от населенных пунктов, что привело к значительным бытовым трудностям (медицинское, культурное, торговое обеспечение, в целом комфорт проживания); оказались заброшены обширные пастбищные и сенокосные угодья, перестали в полном объеме эксплуатироваться отдаленные промысловые участки (ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 3–33). Это далеко не полный список основных проблем, выявленных учеными.

Проведенный в ходе исследования анкетный опрос показал, что 62,5% респондентов высказались за восстановление Саккырырского района. Основными причинами этого были неудовлетворенность организацией сферы обслуживания населения (культурного, торгового, бытового и медицинского), удаленность от районного центра и районного руководства (ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 34–35).

Для решения накопившихся проблем, основной причиной которых вполне в духе времени были названы нарушения «ленинской национальной политики», а также «принципов социальной справедливости», исследователи предложили ряд мер, стержнем которых являлось воссоздание Саккырырского района. Эта мера, по предположению участников изысканий, улучшила бы «управление всеми звеньями народного хозяйства» и создала бы «условия для их ускоренного развития» (ГАРФ. Ф. А385. Оп. 46. Д. 242. Л. 40).

Неизвестно, насколько в процессе принятия решения о восстановлении в том же 1989 г. Саккырырского района (получил другое название –

Эвено-Бытантайский) учитывались результаты рассмотренных изысканий, однако, например, мнения жителей Ламынхинского сельского совета относительно необходимости его воссоздания в ходе проведенного опроса разделились примерно поровну. Данный сельский совет, а сейчас наслег, остался в составе Кобяйского района (улуса). Среди опрошенного же населения Кировского сельского совета вовсе лишь 7,6% поддержали такую идею. Эта территория также не была включена в состав Эвено-Бытантайского района, хотя и получила позднее статус эвенской национальной.

Таким образом, в 1960-е – 1980-е гг. учеными была проделана большая работа по изучению эвенов, которой оказались охвачены все неисследованные ранее локальные группы этого этноса в Якутии. Значительные успехи были достигнуты филологами: изучен ряд говоров эвенского языка, выявлены их ключевые особенности, зафиксированы уникальные образцы фольклора. Серьезные масштабы имели также комплексные социально-экономические изыскания, осуществленные в местах проживания эвенов. Представляется, что методика организации и реализации подобных инициатив может быть востребована и в наши дни. Несколько в стороне оказались этнографические исследования: отдельные материалы собирали филологи, однако специализированная работа по изучению этнографии эвенов Якутии, к сожалению, носила эпизодический характер. Вместе с тем, безусловно, трудно переоценить вклад исследований, проведенных учеными в течение рассмотренного периода, в аккумуляцию научного знания об эвенском этносе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 1–106.
2. Буркин А.А. Первое собрание образцов фольклора эвенов Якутии (к 135-летию издания) // Acta Linguistica Petropolitana. 2007. Т. III. Ч. 3. С. 361–392.
3. Григорьев С.А. Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в Российской Арктике в конце XX в. (на примере общественно-политического движения коренных малочисленных народов Якутии) // Актуальные проблемы российской государственной политики в Арктике (XX – начало XXI вв.): сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 2011. С. 154–165.

4. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997.

5. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.

6. Новикова К.А., Лебедев В.Д. Правила орфографии эвенского языка. Якутск: ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, 1980.

7. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989.

8. Роббек Г.В. Лексика физической культуры эвенов: дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2008.

9. Сулейманов А.А. Научное изучение эвенского языка в Якутии в 50-е гг. XX в. // Академические исследования в Якутии: «территория историка»: сборник статей, посвященных юбилею профессора Д.А. Шириной. Якутск: Алмас, 2016. С. 285–294.

10. Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера: библиографический справочник / сост. П.И. Докторов, Е.П. Антонов, С.Е. Никитина. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2010.

11. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности. Вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007.

12. Ширина Д.А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. Новосибирск: Наука, 2001.

REFERENCES

1. Bogoraz, V.G., 1931. Materialy po lamutskomu yazyku [Materials on the Lamut language]. In: Tungusskii sbornik. Leningrad: Izdvo AN SSSR, 1931, pp. 1–106. (in Russ.)

2. Burykin, A.A., 2007. Pervoe sobranie obraztsov fol'klora evenov Yakutii (k 135-letiyu izdaniya) [The first collection of the folklore of the Evens of Yakutia (on the 135th anniversary of the publication)], Acta Linguistica Petropolitana, Vol. III, part 3, pp. 361–392. (in Russ.)

3. Grigor'ev, S.A., 2011. Vzaimodeistvie gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Arktike v kontse XX v. (na primere obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya korennykh malochislennykh narodov Yakutii) [The interaction of state and civil society institutions in the

Russian Arctic in the late XXth century (the case of social and political movement of Yakutia indigenous minorities)]. In: Aktual'nye problemy rossiiskoi gosudarstvennoi politiki v Arktike (XX – nachalo XXI vv.): sbornik nauchnykh trudov. Novosibirsk: Nauka, 2011, pp. 154–165. (in Russ.)

4. Istoriya i kul'tura evenov: Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays]. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. (in Russ.)

5. Lebedev, V.D., 1978. Yazyk evenov Yakutii [The language of the Evens of Yakutia]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

6. Novikova, K.A. and Lebedev, V.D., 1980. Pravila orfografii evenskogo yazyka [Spelling rules of the Even language]. Yakutsk: IYaLI YaF SO AN SSSR. (in Russ.)

7. Robbek, V.A., 1989. Yazyk evenov Berezovki [The language of the Evens of Berezovka.]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

8. Robbek, G.V., 2008. Leksika fizicheskoi kul'tury evenov [Physical culture vocabulary of the Evens], dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

9. Suleimanov, A.A., 2016. Nauchnoe izuchenie evenskogo yazyka v Yakutii v 50-e gg. XX v. [Research study of the Even language in Yakutia in the 1950s]. In: Akademicheskie issledovaniya v Yakutii: «territoriya istorika»: sbornik statei, posvyaschennykh yubileyu professora D.A. Shirinoyi. Yakutsk: Almas, 2016, pp. 285–294. (in Russ.)

10. Uchenye-issledovateli Instituta gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa: biobibliograficheskiy spravochnik [Scholars of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North: bibliographic reference]. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2010. (in Russ.)

11. Filippova, V.V., 2007. Korennyemalochislennyye narody Severa Yakutii v menyayushchemsya prostranstve zhiznedeyatel'nosti. Vtoraya polovina XX v. [Indigenous minorities of the North of Yakutia in a changing space of life. The second half of the XXth century.]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

12. Shirina, D.A., 2001. Rossiya: nauchnoe issledovanie Arktiki. XVIII v. – 1917 g. [Russia: research study of the Arctic. XVIII century – 1917]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)